

организационно-административной и финансовой жизни театра.

Для реорганизации театра на этих основаниях и учитывая отсутствие в театре его нынешнего руководителя, Правительственная Комиссия разрешила Главному управлению продлить коллективный договор с труппой в отсутствие руководителя театра до 1 декабря и ассигновала 30.000 рублей на поддержание этого театра.

Выводы ясны. Совершенно очевидно, что эти правительственные решения свидетельствуют о должном внимании к театру, имеющему ряд заслуг на культурном фронте, но вместе с тем со всей твердостью ставят перед театром задачу **действительной, а не показательной реконструкции.**

Сопоставим с правительственными решениями, только что прошедшую общественную дискуссию по вопросам жизни и деятельности того же театра. Она затрагивает другие моменты: репертуар, внутри-общественное состояние театра, его взаимоотношения с общественностью и прессой. Подобно тому, как «противники» театра Мейерхольда, за единственным исключением, о котором выше говорилось, стояли и стоят на точке зрения сохранения театра, но в реорганизованном виде, подобно этому «защитники» театра должны встать **более решительно** и отчетливо на точку зрения реорганизации театра. До сих пор мнения этих товарищей сводились, главным образом, к защите театра от возможных на него посягательств, которые им казались реальными. В остальном же, они лишь как бы мимоходом упоминали о том, что театр следует «вывести на торную дорожку», что необходимо «сократить траты на спектакли», что театр «в последние годы уклонился от прямого пути, свернул в сторону, остановился в своем развитии, вернулся к принципам индивидуалистического и эстетического театра, проявляет признаки болезни, кризиса, шатаний», что сам В. Э. Мейерхольд «обязан прекратить смещение личных и общественных моментов и обязан установить в своем театре господство здоровой пролетарской общественности». Отдельные товарищи даже формулировали это дело так, что руководителя театра «нужно призвать к порядку», что нужно создать «партийно-общественный контроль и упорядочить условия коллективной работы театра». Но, повторяем, это делалось как-то попутно и как «уступки» наиболее требовательным критикам ТИМ'а. Между тем, именно в этом гвоздь вопроса.

«Противники» театра требовали и требуют установления в театре нормальных связей с современной драматургией, с актером, с художником в театре и решительного поворота театра на рельсы современного репертуара, как он это делал в первые пять лет своего развития и от чего он отошел в последние два года. Они же считали и считают необходимым в своем анализе театра **конкретно** напомнить целую цепь явлений, свидетельствующую о неправильном уклоне руководителя театра в последние годы. Лозунг Мейерхольда «назад к классикам»; чрезмерные увлечения дорогостоящими и весьма сомнительными; с точки зрения «критерия социальной значимости», постановками в стиле «Ревизора» и «Горюму»; одно время стремление В. Э. Мейерхольда поставить «Москву» мистика Андрея Белого; непрерывные анти-общественные выпады Мейерхольда против прессы и на диспутах; наконец,

его последнее заявление о «бегах на месте»; известный под названием «отхода» отъезд его и до сего дня продолжающееся его молчание о дальнейших репертуарных путях своего театра,— вот что инкриминируется Мейерхольду.

Сейчас для театра и его актерского коллектива, как и для самого Мейерхольда, должно стать совершенно ясным, что менее решительно выраженные требования его «защитников» и более решительные требования его «противников», равно как и требования правительственных органов, сводятся не к уничтожению театра, а к его **реорганизации.** Но в понятие этой реорганизации вкладываются уже не одни **обещания** и **заявления** Мейерхольда или театра о «предстоящих планах», о пьесах, «находящихся в портфеле» театра и т. п., а **подлинный и немедленный переход от слов к делу**, по примеру других театров, чуждых «бегах на месте» и затяжного кризиса.

И вот в цепи этих явлений чрезвычайную ценность именно сейчас, на втором этапе дискуссии о судьбах театра им. Мейерхольда приобретает правильное замечание тов. Заславского в «Правде», указывающего на невольную молчаливость Мейерхольда по сей день по вопросу о дальнейших путях репертуара и общественной жизни этого театра. И вся общественность сейчас вправе и обязана вновь повторить запрос тов. Заславского: «на открытое письмо «Комсомольской Правды» немедленно откликнулись и тов. Луначарский и тов. Свидерский. А тов. Мейерхольд? Тов. Мейерхольд не откликнулся». Между тем, его ученики в своих выступлениях (например, на диспуте в «Доме Печати» в лице некоего Мологина) обнаруживают ту же похвальную тенденцию ограничиваться защитой театра «в целом», анти-общественными выпадами по адресу критики и прессы, демонстрацией своего самозамыкания (вроде мологинских выкриков, что спектакль Мейерхольда сильнее дипломатических нот нашего наркоминдела и т. п., И эта «медвежья» защита театра и общепризнанных ошибок его руководителя заявлениями о безгрешности театра и т. п. делается даже сейчас, в момент общественного обстрела театра!..

Правительственная Комиссия в своем решении оставляет вопрос о будущей судьбе театра открытым впредь до приезда В. Э. Мейерхольда. По существу говоря, открытым оставлен и вопрос об окончательной оценке театра на его сегодняшнем этапе развития всей общественностью без различия оттенков мнений и направлений в прессе и на диспутах. Если напомнить, в добавление к этому, театру им. Мейерхольда и самому Мейерхольду, что лозунг самокритики (а не самовосхваления) распространяется и на них, то задачи театра «на другой день» после прошедшей дискуссии станут еще яснее. И думается, наиболее правильным будет сейчас сказать В. Э. Мейерхольду и театру его имени:

Ваши достижения в прошлом, ваше право на свой стиль, на экспериментаторские работы никем не оспариваются и вновь нашли себе ярчайшие подтверждения в прошедшей дискуссии. Но вопросы вашего репертуара и реконструкции театра по всем линиям общественности внутри и вне ТИМ'а, не разрешены и ждут разрешения!

Судьбы вашего театра в ваших руках!

А. ОРЛИНСКИЙ